

Три книги об этнокультурных процессах в России*

Рецензируемые издания представляют собой части единого научного труда, в котором автор предпринял попытку проанализировать стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в Российской империи, СССР, Российской Федерации и СНГ в новое и новейшее время. Эта попытка представляется мне новой и актуальной. В отечественной и зарубежной этнографической литературе нет работ, которые бы ставили столь широкий круг теоретических проблем на столь обширном в хронологическом и пространственном смысле историческом материале.

Актуальность труда В.В. Карлова обусловлена не только остротой современных этнополитических конфликтов, но и сугубо интеллектуальными процессами в постсоветском пространстве. Я имею в виду кризис исторического сознания, когда устоявшиеся мировоззренческие, теоретические, этические ориентиры в подходах к ключевым моментам советской истории за последние 10 лет многократно подвергались разрушению с самых разных, часто диаметрально противоположных позиций, а новые подходы нередко вдохновлялись текущей политической конъюнктурой или эмоциональной негативной реакцией на нее. В этой ситуации попытку В.В. Карлова представить объективную картину этнокультурного развития России иначе как проявлением мужества не назовешь.

Структура рецензируемого труда отражает историческую динамику этнокультурных процессов: первый выпуск посвящен XIX–нач. XX вв., второй и третий – соответственно послеоктябрьскому, советскому и отчасти постсоветскому периодам, логике их научного познания (каждый из выпусков содержит главы, посвященные разработке теоретико-методологических проблем изучения национальных и этнокультурных феноменов), а также этнорегиональную структуру России. Во всех книгах анализ конкретного материала привязан к крупным народам и регионам (восточнославянские народы, народы Прибалтики, Закавказья, Урало-Поволжья, Сибири, Северного Кавказа и Средней Азии), которым посвящены специальные разделы. Так рецензируемый труд как нельзя лучше отвечает его основным задачам: вскрыть стадиальные закономерности этнокультурных процессов, их локальную специфику, для чего разработать адекватный этим целям теоретико-методологический инструментарий.

Теоретико-методологические основания рецензируемого труда, пожалуй, самая сильная его сторона. Мне импонирует то, что «этнос» трактуется не как некая дискретная вещь. В.В. Карлов встал на путь «поисков определения сущности этноса как исторической общности не по сумме признаков, а по способам и формам социальной связи их носителей» (кн. 1, с. 8). Понятие «связи» как «общения» (*Verkehr*) вообще в рецензируемом труде выступает как главное, отражающее онтологические основания социальных явлений и процессов и в то же время играющее роль ведущего гносеологического принципа. Взятое из концептуального инструментария К. Маркса, это понятие приобретает новое значение эвристической модели в изучении этнических общностей, определив во многом удачное решение ряда запутанных теоретических вопросов. В частности, проблему соотношения таких категорий, как «нация» и «этнос», В.В. Карлов решает следующим образом: «...нацию можно, вероятно, определить как сформировавшееся в недрах обладающей самостоятельным этнической общности социально-политическое образование формационного характера, объединяющее через рыночные отношения большинство народонаселения этнической общности... Нация как социально-исторический феномен имеет своей предпосылкой народ-этнос в качестве общности носителей определенного жизнеобеспечивающего комплекса культурных черт, представлений, языка» (кн. 1, с. 26).

Исторический тип связи (общения), конституирующий нацию, определяет формационный характер буржуазной и социалистической нации. Если у первой «...ведущие группы связей находятся в сфере экономической, у социалистической – в сфере культурно-воспроизводственной» (кн. 2, с. 35). Характер связи (общения) положен в основание исторической типологии этнических общностей. В. Карлов выделяет этнические общности доиндустриальной эпохи (собственно этнические связи перекрываются социально-экономическими связями жизнеобеспечивающего комплекса) (кн. 1, с. 17), этнические общности эпохи капитализма (этническая связь как связь социально-культурного воспроизводства на базе языка и профессиональной культуры взаимодействует, но не совпадает с социально-политической и экономической связью нации) (кн. 1, с. 27), этническая общность социалистической эпохи (преодоление противоречий в природе связей, конституирующих нацию и этническую группу) (кн. 2, с. 33). В. Карлов дает оригинальное общее решение старого и уже изрядно запутанного вопроса о соотношении «этнического» и «социально-

* Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР. (Стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX–XX вв.). Учебное пособие. Ч. 1. М., 1990. 160 с.; Ч. 2. М., 1992. 174 с.; *его же*. Этнокультурные процессы новейшего времени. М. Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1995. 219 с.

экономического», отказавшись от поисков способа их иерархического соподчинения и детерминации (привычный ход в отечественной литературе) и предлагая в рассмотрении их принять принцип дополнительности (кн. 1, с. 19).

Специального внимания заслуживает мировоззренческая позиция автора рецензируемого труда по отношению ко многим острым историко-политическим и научным вопросам. Среди них – соотношение дореволюционной русской нации и русской нации советского периода; историческая оценка национальной политики партии большевиков и идей В.И. Ленина – И.В. Сталина, идеалов и реальной практики национального строительства в СССР; воздействие социалистической революции на судьбу народов России и на их этнонациональное развитие. Еще недавняя «ясность» в этих вопросах автора не устраивает, но и новая «ясность» перестроечной публицистики, поменявшей знаки в оценках на противоположные, тоже отвергается им. Через все три книги лейтмотивом проходит мысль о том, что по-настоящему эти вопросы не ставились и не изучались. Как же сам автор выходит из этого шекотливого положения? На мой взгляд, им был избран оптимальный путь учета всевозможных обстоятельств, точек зрения и оценок, т.е. стремление не к однозначности выводов, приведенных к общему знаменателю, а к тому, что М. Бахтин называл «гетероглоссией», или «полифоничностью», а современное гуманитарное знание именует «дискурсивностью» (М. Фуко, Р. Барт, Дж. Клиффорд и др.).

В. Карловым довольно обстоятельно представлены позиция РСДРП(б) и Ленина – Сталина в национальном вопросе и практические мероприятия советской власти в этой сфере. Его суждения располагаются в довольно широком оценочном диапазоне. С одной стороны, признается смысл в высказывании В.И. Ленина о том, что «...национальная культура вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 129), и тут же читатель подводится к мысли о том, что «не найдем мы прямого выражения специфичности национальных черт образа жизни в приемах и образах действий в области труда и быта ни у буржуазии, ни у пролетария, ни у интеллигента...» (кн. 1, с. 43), а в другом месте – еще более парадоксальное, но в чем-то верное утверждение о том, что культура русской буржуазной нации была проникнута антибуржуазным духом (кн. 1, с. 59).

В. Карлов убежден, что взгляды Ленина и партии большевиков «...никоим образом не поддаются характеристике как нигилистические по отношению к жизни народов» (кн. 1, с. 143), что их курс в национальном вопросе «...принципиально был верен и отвечал интересам этнического развития и воспроизводства...» (кн. 2, с. 74), что развитие этносов в Средней Азии – «это, конечно, неоспоримые заслуги и достижение советского строя» (кн. 3, с. 111), и в то же время он не скупится на резкие негативные оценки: какими бы благородными ни казались установки Ленина, они были обречены на поражение (или хуже того – на превращение в свою противоположность), ибо главный его вклад в развитие марксизма – открытие возможности построения социализма в отдельной стране – оказался ошибкой (кн. 2, с. 13). Именно из этого фундаментального факта и вытекают негативные социальные последствия состояния «осажденной крепости» и серия поражений в национальном вопросе, о которых автор труда не раз говорит: «Строительная система государственного советского централизма по сути перевернула (с ног на голову) идею федеративного союза национально-государственных советских образований (СССР). Она превратила национальное государство – союзную республику – по существу в нижестоящее по отношению к тоталитарному унитаризму административно-управленческое звено и... утвердила некий застывший образ национальных государств с декларированным суверенитетом» (кн. 2, с. 19). Особенно достается от автора Сталину: именно в результате его деятельности «достигнутый уровень культурных институтов народов страны как бы был подведен "под артикул" национально-государственного деления, а все, не уместившееся в "артикул" подлежало устранению (увы, методами безнравственными и незаконными)...» (кн. 2, с. 73); именно Сталин наблюдал за процессом национального размежевания, а среди практикуемых им приемов и методов политики... был и такой, когда национально-территориальные вопросы в спорных ситуациях намеренно решались в пользу одной стороны за счет другой, чтобы за центром всегда сохранялась необходимая всем (а особенно ему самому) роль третьей стороны» (кн. 3, с. 102).

Подобного рода разнонаправленных суждений можно было бы привести много, но и без этого ясно, что политически предвзятый читатель мог бы без труда набрать в свою пользу (на какой бы позиции он не стоял) немало аргументов либо отвергнуть позицию автора как «политически не выдержанную». Мне же кажется, что отмеченное обстоятельство свидетельствует об элементах нового, непривычного для нашего читателя типа авторской стратегии, построенной на стремлении создать такой текст, который по своей сложности, противоречивости был бы изоморфен сложности и противоречивости как изучаемых процессов, так и их обсуждения в научном сообществе. Это вовсе не говорит об отсутствии у автора политической позиции, ее несложно увидеть при чтении рецензируемого труда, но сам по себе труд – больше, чем изложение и обоснование какой-либо политической позиции. И в этом, на мой взгляд, его достоинство, причем основанное не на сухом объективизме, а на сознательном поиске приемлемой позиции, о чем автор пишет: «Здесь легко поддаваться эмоциям, понятным для очередного поворотного момента эпохи и власть в субъективизм или же, напротив, отгородиться от эмоций сухими цифрами и фактами. И то и другое плохо подходит для оценки характера происшедших и происходящих изменений...» (кн. 2, с. 91).

Труд В. Карлова богат интересными мыслями и исследовательскими подходами. Мне хотелось бы отметить его оригинальную трактовку соотношения государства и этноса. Как уже отмечалось, на общетеоретическом уровне связь между социально-политическим и этническим В. Карлов предлагает рассматривать на основе принципа дополненности, а не жесткой детерминации и иерархического соподчинения. Применительно к советской ситуации это положение приобретает особый смысл, так как «в марксистской традиции государство всегда рассматривалось не как цель решения социальных проблем, а лишь как средство их решения». Поэтому этносы, этнические группы, «местности, вплоть до общин, полностью свободные в решении своих внутренних проблем, в том числе национальных, гарантом чего является государство, и делегирующие государству прерогативы решения вопросов общих, пока в этом будет вообще сохраняться надобность, – вот наиболее демократическая форма решения социальных и национальных проблем. Структура республики Советов вполне могла соответствовать данному идеалу (кн. 2, с. 43).

Советская союзная государственность, по мнению В. Карлова, заняла принципиально новое место в системе «этнос – государство»: она, образовав сложную систему национальных государственных и административных образований ниже общесоюзного уровня, сосредоточила в своих руках большинство политических и экономических функций, выполняемых государством в общепринятом смысле этого слова. На национальном же уровне сосредоточила хозяйственные, социальные и этнокультурные функции. Это означало, что, во-первых, нации, народности, этнические группы получили возможность пользоваться огромным потенциалом общесоюзных институтов, не дублируя их, а во-вторых, сосредоточиться на развитии своих собственных институтов национально-профессиональной культуры. У многих народов творческая национальная интеллигенция была фактически создана заново, и очень быстро ее доля стала превышать долю таковой среди русских и других восточнославянских народов (кн. 2, с. 32).

В. Карлов в подобной ситуации видит не только плюсы, но и минусы. К плюсам он относит реализацию гуманной цели ликвидации неравенства народов, развитие их национальной культуры и самосознания. К минусам – чрезмерное огосударствление всех сфер их жизни и культуры (кн. 2, с. 19), а также тот факт, что развитие национальных культур во многом шло за счет более продвинутых в промышленном отношении народов, особенно русских.

Отмеченный идеальный вариант сочетания государства и этноса выглядит не лишенным достоинств и по сравнению с реальными историческими попытками совместить эти категории. Подобные попытки и в послереволюционный, и в послеперестроечный периоды неизбежно вели к потере «культурного качества», о чем в свое время писал Н.С. Трубецкой* и что отмечает В. Карлов (кн. 2, с. 145).

Разделы, посвященные судьбе русского народа, – одни из самых сильных. Здесь свойственная В. Карлову академическая сдержанность нередко уступает место драматическим и даже трагическим интонациям. Возьмем в качестве примера анализ процесса урбанизации русских. В этом, казалось бы, естественном для XX в. и даже прогрессивном процессе В. Карлов вполне справедливо усматривает причины многих трагических для русского народа явлений. Варварские методы и жестокая стремительность в проведении коллективизации и индустриализации привели не только к огромным физическим жертвам, но и разрушили крестьянский культурно-бытовой уклад, не создав сколько-нибудь полноценного городского. В среде новых горожан утвердился двойной этический стандарт и сопряженные с ним люмпенпролетарские стереотипы поведения (кн. 2, с. 121). Проблема эта не изжита до сих пор и даже усугубляется новыми социальными катаклизмами.

Не следует забывать, что труд В. Карлова – это учебное пособие для студентов-этнографов. И хотя, как мне кажется, и стиль, и глубина исследовательского подхода делают его прежде всего научным сочинением, он несет в себе и определенный дидактический потенциал. Это проявляется, в первую очередь, в самом сюжетном строении труда – он дает систематическую, хронологическую расчлененную информацию о народах всех крупных историко-этнографических областей нашей страны. Помимо этого В. Карлов, ставя много важных теоретических проблем, специально подчеркивает их новизну, неразработанность и актуальность, что для молодых исследователей не может не послужить стимулом для определения направления своих курсовых, дипломных и диссертационных работ.

Одно из достоинств работы В. Карлова – ее полемическая открытость. Довольно часто он говорит лишь о постановочности, гипотетичности тех или иных проблем или обращается к читателю с вопросом. Все это стимулирует мысль читателя, вызывая желание присоединиться к обсуждению проблемы. Один из вопросов вызвал такое желание и у меня. «Не несла ли в себе... новая государственность советов определенный регресс, шаг назад, если она на место интернациональных экономических связей внутри и между регионами, сформировавшимися по принципу производственно-экономической целесообразности и отчасти уже перешагнувшими этнические и языковые барьеры, стала выдвигать новые барьеры и новые структурные связи в виде границ и общественных институтов национальных республик?» (кн. 2, с. 58). Ответ В. Карлова на свой вопрос – двоякий. Если исходить только из передовых прогрессивных тенденций

* См.: К украинской проблеме // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 362–380.

мирового развития, то – да, отступление, уступка мелкобуржуазным массам. Если же брать во внимание «...неоспоримую для социальной теории марксизма приоритетность социальности перед "целостностью производственно-экономического характера"» (там же), то, наоборот, это гуманный шаг, направленный на ликвидацию наравноправия народов, формирование их национальной профессиональной культуры, создание гибкой системы, учитывающей общие и локальные интересы.

Мне кажется, в этом ответе не явно заложено одно априорное допущение, с которым нужно разобраться. Это допущение в упрощенном виде заключается в следующем: Ленин и его соратники, движимые научными и гуманистическими целями, пришли к замене своей ранней унитаристской модели социалистического государства моделью федералистской, пойдя при этом на уступки невежественным массам. Сталин, движимый коварными и антигуманными целями, извратил первоначальные замыслы, превратив планируемую гибкую федеральную систему в тоталитарную, античеловеческую и антинациональную.

Я в принципе не хочу сопоставлять личности Ленина и Сталина: на мой взгляд, они оба были политиками-прагматиками, – иначе им власти никогда бы не удержать, так как политика – это, по расхожему выражению, «искусство возможного». Каждый из них в свое время избрал ту или иную тактику под неумолимым давлением обстоятельств, о которых так убедительно и многократно пишет В. Карлов. Федералистская тактика была избрана Лениным из-за реальной угрозы утраты власти большевиками под ударами националистических движений и интриг «независимцев» из числа коммунистических лидеров*.

Мои возражения касаются не столько мотивов Ленина или судьбы его планов, сколько определенной тенденции В. Карлова рассматривать в одной плоскости политическую идеологию и научные теории. Я убежден, что область политики и область науки – это всегда сферы с разными системами мотивации, разными целями и соответственно разными критериями оценки, даже если какая-либо политическая доктрина искренне претендует на статус научной. Поэтому тот или иной курс национальной политики правящей партии – это в гораздо большей степени следствие политической конъюнктуры, чем какой бы то ни было «социальной теории».

Хочу поделиться своими сомнениями по поводу оправданности принятой в отечественной этнографии установки на «всемогушество научного знания» в отношении «объекта» этого знания – народов, культур, обычаев и т.п. Я надеюсь, что В. Карлов извинит меня за не вполне деликатную попытку использовать обсуждение его превосходного труда в качестве повода для постановки этой действительно общенаучной проблемы. В некоторых разделах, особенно в разделе, посвященном Средней Азии (кн. 3), встречаются негативные суждения о тех или иных обычаях, в частности об обычае, по которому «...доходы от подсобного хозяйства (...) постоянно уходят на совершенно нерациональные, с точки зрения европейского образа жизни, цели – прежде всего на ритуально-обрядовую сторону жизни (как то: проведение суннетов, сбор средств для уплаты калыма за невесту и приобретение приданого, на организацию свадебных тоев...)» (кн. 3, с. 125). Все эти и подобные явления именуется «традиционализмом», следствием недостаточности прогрессивного развития этнокультурной сферы. «Наблюдается...тревожная тенденция распространения норм и стереотипов традиционализма не только вишь в границах региона, но и "по вертикали" в образованные и социально продвинутые слои местных обществ» (кн. 3, с. 126–127) и далее «...чем прочнее индивид связан по рукам и ногам традицией, тем прочнее и сильнее он в руках перекупщика, торговца, чиновника...» (кн. 3, с. 127). Иными словами «традиционализм» – вредное явление, к изживанию которого призывает этнограф. В этой связи не могу не отметить, что «вредный» обычай крупных затрат на обряды, в этнографии известный как элемент «престижной экономики» со времен Ф. Боаса и М. Мосса**, хорошо изучен и воспринимается как сложный механизм экономического стимулирования, утверждения жизненно важных ценностей, воспроизводства социальной структуры и т.п., а не как проявление невежества***.

Отмеченная тенденция в работе В. Карлова является не столько характеристикой его индивидуального подхода и стиля, сколько, так сказать, «родовой, цеховой» чертой, отличающей работы многих советских этнографов. Я имею в виду если не мировоззренческую позицию, то некие риторические клише – «изживание вредных обычаев», «патриархальщина», «научное обоснование национальной политики», «оптимизация межэтнических отношений» и т.п. индикаторы чересчур завышенной самооценки науки. Мне эта черта кажется не вполне отвечающей современному состоянию мировой этнографической науки, в которой давно уже раздаются голоса о необходимости более равноправного диалога с «объектом» изучения. Что же касается авторской индивидуальности В. Карлова, то для нее как раз эти черты свойственны в весьма малой степени и в целом нейтрализуются деликатностью и взвешенностью суждений.

* См.: Чешко С.В. Идеология распада. М., 1993. С. 101.

** См.: Boas F. Organization and Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Wash., 1897; Mauss M. Essai sur la don. Formes et raison d'échange dans les sociétés archaïques // Anee sociologique. Nouvelle ser. 1925.

*** См.: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. С. 451.

Кстати, что касается его отношения к традициям, то в разделе о русских и в особенности, о малых народах Севера и Сибири это отношение как раз отличается уважительным вниманием и даже тревогой по поводу их стремительного разрушения и перехода к обезличенности «рационализма европейского образа жизни». Более того, в завершающем разделе своего труда В. Карлов высказывает глубокую и, на мой взгляд, верную мысль о закономерности возврата к «брошенным» этнокультурным явлениям и ценностям (кн. 3, с. 75).

Завершающий раздел труда В. Карлова вообще, на мой взгляд, очень хорош. Здесь он позволил себе широкий историософский взгляд на судьбу России и ее народов, высказав суждение, с которым лично я полностью солидарен: эпоха национальных экономик ушла в прошлое, уступив место «эргатической эпохе», т.е. времени, вызвавшему к жизни экономические, технологические, культурные надсистемы, которые я бы назвал цивилизациями, и в ряду таких надсистем (США, ЕЭС и др.) объективно должно находиться образование, еще недавно называвшееся СССР, ибо общность его жителей – это отнюдь не механическая совокупность, но некий органический культурный синтез, не отрицающий (как и в Европе) национальной самобытности.

А.А. Никишенков

© 1997 г., ЭО, № 1

Н.Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч. в шести томах. Т. 5. Письма. Документы и материалы / Составители А.Н. Анфертьев, А.Я. Массов, М.Ф. Матвеева, Б.Н. Путилов, Д.Д. Тумаркин. М., 1996. 824 с.

Цифры, приведенные в предисловии к очередному тому сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая, сами по себе красноречивы: в него вошли 552 письма, на две с лишним сотни больше, чем в аналогичный том первого академического собрания трудов великого путешественника и исследователя¹.

159 из них напечатаны впервые, многие – впервые полностью, 56 – впервые в переводе с немецкого, английского, французского и итальянского. Комментарии, насыщенные историко-биографическими справками, носят также источниковедческий характер: отражена история публикации каждого текста и таким образом отдается должное тому переписки, изданному в 1953 г. – первой капитальной ступени, а также своего рода промежуточным ступеням между двумя собраниями сочинений – статьям и публикациям Б.А. Вальской, Д.Д. Тумаркина, А.Я. Массова, статьям и биографическим работам Б.Н. Путилова, публикациям в сборнике новогвинейских материалов².

Рецензируемый том опирается на опыт отечественной океанистики за последние полвека. Не менее важны и устранение барьеров на пути поиска источников и принцип «без изъятия», что позволило извлечь лежавшее под спудом и воскресить жертвы купюр. Вспоминаются слова самого Миклухо-Маклая, возмущенного тем, что в «Известиях Императорского Русского географического общества» самовольно урезали его сообщение о первом пребывании в Новой Гвинее: «Если я что делаю или что говорю, то это **единственно для науки**, т.е. для истины, которая не требует и не выносит цензур»³.

Многое было найдено в национальных хранилищах, облегчивших доступ к своим фондам – Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве Российской Федерации, Российском Государственном архиве Военно-морского флота, Российском государственном историческом архиве и других, тогда как эпистолярный том-предшественник черпал преимущественно из архивов Русского географического общества и Российской Академии наук. В перечне использованных зарубежных депозитариев документов и рукописей – Британская библиотека и французская Национальная библиотека, Государственный архив Великобритании и Архив штата Квинсленд (Австралия), Архив Германской академии наук и Архив Сиднейского университета, Библиотека Митчелла в Сиднее, Музей Эрнста Геккеля в Йене, Архив Зоологической станции в Неаполе.

Плодотворным оказался и просмотр старых русских и некоторых зарубежных газет и журналов. В разделе «Документы и материалы» напечатаны не вошедшие в собрание сочинений 1950–1954 гг. публицистические статьи, интервью и речи, обнаруженные в «Новостях и Биржевой газете», «Голосе», «Петербургской газете», в австралийских газетах «Сидней морнинг геральд» и «Дейли телеграф».

Успешному итогу многолетних разысканий мы обязаны исследователям, объединенным в группу для изучения и публикации наследия И.Н. Миклухо-Маклая, созданную при ИЭА и МАЭ РАН, и привлеченным извне специалистам. Вклад каждого обозначен. Ответственные редакторы тома Б.Н. Путилов и Д.Д. Тумаркин являются, кроме того, активными составителями и авторами большей части примечаний. Не умаляя ничьих заслуг, отметим объем работы, проделанной Д.Д. Тумаркиным, который не только проводил разыскания в нашей стране, но и собрал за рубежом – в Германии, Англии, Франции, Австралии, обильный урожай неопубликованных, по крайней мере, в России, материалов, перевел их и сопроводил комментариями, нередко равноценными историческим штудиям.